

«Фауст» — это протест против того, что делается в нашей культуре»

Сценарист Юрий Арабов — The New Times

<http://newtimes.ru/articles/detail/43804/>

«Фауст» — это протест против того, что делается в нашей культуре».
Сценарист фильма-лауреата — о Гете, Сокурове и ответственности художника

Фильм снят на немецком языке. Как вы писали сценарий?

Сценарий писался на русском, и диалоги пародировали пастернаковский перевод «Фауста». Было это четыре года назад, когда производственные перспективы фильма были весьма неопределенны. Думаю, что режиссер-постановщик не сразу определился с языком и европейской копродукцией. Мы искали деньги в России через ФАКК (Федеральное агентство по культуре и кинематографии. — The New Times), позднее — через Минкульт и Фонд развития кино, искали частные деньги, но все было напрасно. Наконец, когда через два года усилий режиссер и продюсер нашли деньги на производство, то выяснилось, что это будет самая дорогая из наших совместных с Сокуровым картин. Тогда-то и появилась возможность делать фильм на немецком, приближая его к историческим реалиям используемого материала. Кажется, это было именно так. Мои пародийные диалоги при обратном переводе превратились в трюху, но фабула и сюжет (если его понимать как смысл событий) сохранились практически полностью.

Зло и соблазн

Что вам было важно сказать словами Гете?

Мы говорили о сегодняшнем человеке и делали современную картину, несмотря на то, что режиссеру-постановщику удалось создать на экране удивительную историческую достоверность Средневековья. Сокуров говорил об источнике зла в подлунном мире, я говорил о том, что сегодня не черт соблазняет человека, а человек соблазняет черта. Смысл нашего «Фауста» не гетевский, и он является компромиссом между тем, что хотел выразить постановщик, и тем, что было интересно мне. В итоге, как мне кажется, получилось довольно внятное философско-художественное высказывание.

Вы очень давно работаете с Александром Сокуровым. Какой фильм любите больше всего?

Мне интересны все фильмы, которые делает Александр Николаевич. Из совместных больше всего нравятся «Молох» и «Фауст». Последний выделяю

еще и потому, что это картина — успешный и художественно состоятельный протест против того, что делается в нашей культуре сегодня.

Накормленные лапшой

Сокуров сказал, что он не чувствует себя вполне российским режиссером. У вас такое же чувство?

Его слова я понимаю следующим образом. Мы все живем в эпицентре гуманитарной катастрофы. К сожалению, это так. Страна, давшая миру Гоголя, Достоевского, Толстого и Булгакова, усажена за телевизор и накормлена лапшой. Суть «реформы» кинематографа, которая осуществляется у нас последние три года, — в переносе формата телевизионных сериалов на большой экран. Делается это под предлогом «заботы о зрителе». Главное требование — показной патриотизм и банальность, которая выдается за доступность. Под этим соусом уничтожается отечественный артхаус, который единственный успешно представляет нашу страну за рубежом, уничтожается российская драматургическая школа.

Но вы свободны как творческая личность?

Свободным я себя не чувствую. Более того, ответственность перед теми несколькими тысячами людей в России, кому интересно то, что мы делаем, интересен наш образ жизни, все возрастает. Они не простят вранья, не простят ухода в шоу-бизнес, который скоро полностью подменит культуру. Эта ответственность — тяжелый крест. Я не знаю, что такое свобода. Про свободу пусть говорят Пугачева и Задорнов.

Тетралогия завершена. Что дальше?

Что дальше, не знаю. В том смысле, что неизвестно, будем ли мы продолжать работать вместе. Все это зыбко и зависит от массы психологических нюансов, от внешних обстоятельств. Я думаю, этот «Золотой лев» вызовет бешеную ярость у тех, кто хочет похоронить нас как возможную альтернативу и уже думал, что похоронил. Я могу сказать только о себе. Если люди, рулящие кинематографом, всерьез решили делать патриотический фастфуд, набивая себе карманы и монополизируя всю кинообласть, мне с ними не по пути. Я собираюсь писать довольно обширный литературный текст, пользуясь тем, что до книгоиздания их руки еще не дотянулись. У меня свое понимание России и ее роли в мире. Я — русский литератор, временами работающий для кино, в моем возрасте уже стыдно травить анекдоты и подмигивать начальству, мол, мы-то понимаем, куда все идет, но мы ведь не утонем, выйдем сухими из воды... Не выйдут. А остальное — как Бог даст.